

МАЛЬЧИК И СЛИПКИЛАПСИ

Мальчик был уже большой. Ему было почти столько же лет, сколько пальцев у человека на одной руке, целых пять. А ещё он был очень смелый и совсем не боялся лежать вечером один в своей комнате. Тем более, что ночью в городе никогда не бывает по-настоящему темно. На улице горят фонари, иногда проезжают машины, и поэтому темнота не может напугать уже большого и смелого мальчика. Только заснуть никак не получалось.

Мальчик уже послушал сказку, поворочался и даже полежал тихонько с закрытыми глазами. Спать ни капельки не хотелось, а ещё под кроватью кто-то шуршал и вздыхал. Мальчику стало очень интересно, кто там шумит. Он спустился на пол и заглянул под кровать.

– Ой, ты кто? – шёпотом спросил мальчик, когда рассмотрел там ма-

ленькую постельку, а в ней человечка, который лежал и грустно смотрел на мальчика.

– Я Слипкилапси, – также шёпотом ответил человечек.

Он выбрался из-под кровати и сел рядом с мальчиком. Оказалось, что Слипкилапси совсем маленький: если бы он встал рядом с мальчиком, то достал бы, наверное, ему только до коленки. У него были огромные, чуть-чуть светящиеся глаза и большие, круглые уши, как у плюшевого медвежонка.

– А что ты делаешь под моей кроватью? – продолжил мальчик.

– Живу, – Слипкилапси почесал нос и зевнул, – каждый слипкилапси живёт под чьей-то кроватью.

– А почему я тебя раньше не видел?

– Нас очень-очень трудно увидеть, мы почти всегда спим. Это самое важное наше дело.

– А почему это так важно? – мальчику становилось всё интереснее и интереснее.

– Потому что, пока мы спим, человек, ложась в кровать, очень быстро засыпает и видит только хорошие сны. А я сегодня проснулся и никак не могу уснуть. – Слипкилапси расстроено шмыгнул носом.

– Вот почему и мне сегодня не спится. Как же тебе помочь?

Мальчику стало очень жалко Слипкилапси, и он стал думать, как ему помочь.

– А хочешь, я тебе расскажу самую лучшую сказку? Мне её родители рассказывают, чтобы я поскорее уснул.

– Давай попробуем, – Слипкилапки снова забрался под кровать, лёг в свою постель и приготовился слушать.

А мальчик начал рассказывать самую интересную и захватывающую сказку на свете. И хоть это была очень длинная сказка, мальчик её хорошо знал, ведь он слушал её каждый вечер и мог пересказать от начала до самого конца. А когда мальчик закончил, Слипкилапси уже крепко спал. Мальчик поправил ему подушку, лёг в кровать, укрылся одеялом, глубоко зевнул и закрыл глаза.

КАК ГУДИ ТРОЛЛЯ ВЫЛЕЧИЛ

Давным-давно, в одном из множества норвежских фьордов, далеко на севере жил тролль. Звали его Арнбьёрн. Был Арнбьёрн высок и могуч: самая высокая из сосен, росших на берегу фьорда, едва доставала ему до груди, а в обхвате была много тоньше, чем его рука. А ещё Арнбьёрн, как он думал, был очень красив, ведь борода у него была настолько длинной, что почти касалась земли. Правда, как все тролли, Арнбьёрн был неряшлив, и поэтому борода у него была очень грязная и настолько спутанная, что, когда Арнбьёрн гулял по берегу фьорда, сосновые ветки, попадавшие в его зна-

менистую бороду, отламывались и в ней застревали, отчего борода частенько чесалась.

Жил наш тролль в огромной пещере в скалах над фьордом. В пещере повсюду были разбросаны кости, шкуры, валялась парочка проржавевших мечей и прочий хлам, но больше всего Арнбьёрну нравился самый дальний и тёмный угол, куда он сваливал золото, серебро и самые разные драгоценные камни, которых у него было несметное количество.

Когда Арнбьёрн только поселился в своём фьорде, любимым его занятием было сидеть перед входом в пещеру и наблюдать за людьми, которые иногда приплывали во фьорд. Людишки были такие маленькие и так смешно копошились внизу, что иногда тролль не выдерживал и начинал громко смеяться. От его смеха тряслись скалы, и сосны пригибались почти к самой земле, а люди в страхе спешили уплыть подальше, что ещё больше смешило Арнбьёрна. Потом люди стали появляться всё реже, и тролль целые дни просиживал перед своей пещерой один-одинёшенек, иногда чтобы развлечься, он отламывал от ближайших утёсов огромные валуны и швырял их в море. Со временем в устье фьорда появилось много маленьких островков. Такие островки называют шхерами, и, чтобы плавать в них, не боясь разбиться, нужно родиться норвежцем.

Так проходил год за годом, ничего не нарушало покой Арнбьёрна и не нарушило бы, наверняка, ещё много лет, если бы не зуб, жутко болевший уже неделю. Тролль расшвырял все подходящие бульжники в округе, едва не расшиб себе лоб о скалы, ревел так, что столетние сосны вырывало из земли с корнем, как в самую сильную зимнюю бурю. Ничего его не отвлекало, да ещё, как назло, Вагни, бонд (бонд – в Скандинавии, в эпоху раннего Средневековья, свободный человек, имеющий своё хозяйство, но не относящийся к знати, – прим. автора), что жил в двух днях пути от фьорда Арнбьёрна, устроил весёлый пир по случаю дня рождения своей дочки, красавицы Гудрун. А ведь каждому известно, что у троллей очень острый слух, и они слышат самый тихий шорох на много десятков миль вокруг.

Разъярился Арнбьёрн не на шутку, выскочил из пещеры и помчался, что было силы, ко двору Вагни. Прибежал, да как грохнет ручищей по крыше, Вагни с гостями едва из дому выбежать успели. А Арнбьёрн подхватил ногтем Гудрун и ревёт.

– Вот теперь будешь знать, как шуметь!

Развернулся и исчез, как будто и не было его.

Опечалился Вагни, сидит, думает, как дочь свою, красавицу белокожую Гудрун спасти. Хоть и силён сам, и проворен, не справиться одному с троллем, а все друзья-викинги, которые помочь могли, далеко, ни один ещё зимовать не приплыл.

Надо сказать, что у Вагни, как и у всех богатых бондов, были рабы. И вот один из них, юноша по имени Гуди, видя, что хозяин его в большой

тоске, подошёл к нему и говорит:

– Не унывай, Вагни, спасу я твою дочку.

– Как же? – спрашивает его Вагни. – Сильный ведь он, тролль тот.

– Если силой не возьму, то умом одолею, – отвечает ему смелый юноша.

Была у Гуди сестра, звали её Уна, услышала она слова брата и не захотела его одного отпускать, вместе с Гуди в дорогу засобиралась.

Вагни лодку им дал – все знают, что норвежец с лодкой в море управляется ловчее, чем другой кто с ногами на суше, – лепёшек ячменных в мешок насыпал и пива доброго в бочонок налил. Разве для спасения любимой дочки такой малости пожалеешь? И больше отдашь запросто. Погрузили Гуди с Уной припасы в лодку и отчалили.

Солнце уже за полдень перевалило и вниз по небосводу покатилося, доплыли они до фьорда одного небольшого и видят: сидит на берегу старик и, вздыхая, думает о чём-то. Подошёл Гуди к берегу и говорит:

– Здравствуй, добрый человек, о чём так горестно вздыхаешь?

– Здравствуй, – отвечает ему старик, – ходил я недавно в море, налетела буря и разбила мою лодку в щепки, а сейчас не на чем мне в море выйти, рыбы наловить.

– Так это не беда. Доставай свои сети, будет у тебя вдоволь тресковой печёнки для доброй каши.

Гуди со стариком отправились рыбачить, а Уна осталась помогать хозяйке, мало ли хлопот по хозяйству.

Когда рыбаки вернулись, едва помещались они в лодку – так много было в ней рыбы. Женщины быстро приготовили отменный ужин, наелись все и спать легли.

Наутро, как пришло время прощаться, протянул старик Гуди моток верёвки и говорит:

– Не зря видать прозвали так тебя люди, и правда, добрый ты парень. Возьми вот эту верёвку. Прочнее, чем она, нет на свете верёвки: как хочешь её рви, чем хочешь, руби – всё выдержит, не порвётся.

– А ты, Уна, – подхватывает старуха, – возьми вот этот гребень, он тоже непростой, им что угодно расчесать можно.

Поблагодарили брат с сестрой стариков и дальше отправились.

А сейчас мы, читатель, их ненадолго оставим, чтобы ты узнал, откуда у простых стариков взялись такие необычные вещи.

Всё дело в том, что были они вовсе и не люди, а бог Локи со своей супругой. Он хоть и имел из-за своих проделок и проказ не самую лучшую славу, был на самом деле добрым и решил Гуди с сестрой помочь, жену уговорил.

А между тем, Гуди с Уной, времени зря не теряя, добрались до фьорда, где жил Арнбьёрн.

Причалил Гуди к берегу, лодку на песок вытащил. Смотрит, сидит тролль возле своей пещеры, голову руками обхватил и воет так, что уши закладывает.

– Что же, ты, – кричит ему Гуди, – чужих дочерей, красавиц белокожих воруешь?

Посмотрел на него Арнбьёрн, спустился на берег, на землю улёгся.

– Зуб, – шепчет тихонько, – болит, сил нет больше терпеть.

– Это дело поправимое, – отвечает ему Гуди, – показывай который.

Открыл тролль рот, пальцем в пенёк гнилой тычет. Достал Гуди свою верёвку, на одном конце петлю сделал, на зуб накиннул. Второй конец к самому большому валуну, что ещё поблизости оставались, привязал.

– А ну-ка, поднимайся, – командует, – да закинь этот камень подальше в море.

Встал Арнбьёрн, подхватил валун, размахнулся. Гуди только и успел верёвку за самый кончик ухватить, чтобы вместе со скалой в море не улете-ла. А тролль рот закрыл, губами пожевал, заулыбался. Снова на землю лёг, бороду привычно почёсывает. Тут и Уна, которая до этого в стороне стояла, вмешалась.

– Что же, ты, – Арнбьёрну говорит, – такой неаккуратный, совсем бороду запустил. Дай я её расчешу.

Достала она гребень и принялась троллю бороду расчёсывать, мусор из неё так и посыпался. Трудилась Уна, трудилась, до самых кончиков воло-сок к волоску уложила, ещё и кос наплела.

Лежит Арнбьёрн, косы пальцами перебирает, довольный, ни у одного тролля во всех северных странах такой роскошной бороды нет.

– Забирайте, – брату с сестрой говорит, – свою Гудрун и золота берите, сколько хотите, для вас мне ничего не жалко.

Вернулись Гуди с сестрой и Гудрун назад, во двор Вагни, бонда, тот, видя дочь свою живой и здоровой, от такой великой радости новый пир устроил, больше прежнего.

Гуди с Уной на том пиру как лучших гостей потчевали, а после за-платили они Вагни за свою свободу, сколько причитается, и отправились в Исландию, в новой земле счастья искать. Но это уже совсем другая история.